

Даже в таком состоянии он всё ещё держался, что заставило Дуань Минчэня невольно усмехнуться. Поддерживая Гу Хуайцина за спину, чтобы тому было удобнее, он сказал:

— Конечно, великолепно. Разве ты не слышал, как все вокруг тебя ликовали? Когда ты вернулся на корабль, воины готовы были постелить тебе красную дорожку!

Гу Хуайцин, закрыв глаза, удобно устроился на твёрдой груди Дуань Минчэня, и уголки его губ изогнулись в прекрасной дуге.

— Что в этом такого! Если бы не морская болезнь, мне бы и не понадобилось так долго с ней возиться...

— Да, да, наш Хуайцин самый лучший, — с нежностью глядя на него, полушутя сказал Дуань Минчэнь. Ещё минуту назад он был как маленький тигрёнок, а теперь прикорнул у него на груди, словно больной котёнок. Но в любом виде он был невероятно мил.

Они нежились в этой нежной близости, как вдруг их покой нарушил бестактный гость.

— Брат Дуань, брат Дуань! — Ло Цинь ворвался в каюту, громко крича, но, разглядев, как те двое сидят в тесных объятиях, чуть не пожалел, что не выколол себе глаза.

С тех пор, как он поссорился с Гу Хуайцином и получил выговор от Дуань Минчэня, прошло несколько дней, и Ло Цинь постепенно начал кое-что улавливать. Его старший брат относился к Гу Хуайцину как-то не так, по крайней мере, иначе, чем к братьям по гвардии в парчовых халатах, и взгляд его был полон нежности. Впрочем, это и неудивительно: Гу Хуайцин был рождён с такой демонической внешностью, а брат Дуань был простым, неискушённым в любовных делах человеком, так что влюбиться в него было немудрено.

К этому Ло Цинь относился спокойно. Мужчина, в конце концов, может иметь одного-двух любовников своего пола — это нормально. В конце концов, Дуань Минчэнь в будущем женится и заведёт детей, а к Гу Хуайцину это просто временный интерес — он же не сможет на нём жениться. Ло Цинь даже втайне думал: глядя на тот высокомерный, непреклонный вид Гу Хуайцина, а теперь вот он покорно прислуживает господину из гвардии в парчовых халатах. От этой мысли Гу Хуайцин уже не казался ему таким отвратительным.

Однако каждый раз, когда он видел, как они переглядываются, у него всё равно было ощущение, что глаза вот-вот ослепнут. Ло Цинь сделал вид, что ничего не заметил, и слегка кашлянул:

— Этот негодяй Сяньэ Сюнфэй очнулся и требует встречи с тобой.

Дуань Минчэнь недовольно нахмурился. Этого Сяньэ Сюнфэя с таким трудом поймали, а он всё ещё не хочет вести себя смиренно, что ему ещё нужно?

Гу Хуайцин, с белым от тошноты лицом, с трудом приподнялся:

— Мы... пойдём посмотрим?

Дуань Минчэнь придержал его за плечо:

— Я сам схожу посмотрю. Ты оставайся здесь, хорошенько отдохни. Выпей лекарство и поспи, проснёшься — и тошнота пройдёт.

Гу Хуайцин недовольно скривил губы, но Дуань Минчэнь твёрдо не соглашался и заставил его лечь на койку, не разрешая вставать. Самочувствие у Гу Хуайцина было плохое, да и сил было меньше, чем у Дуань Минчэня, так что пришлось подчиниться и лечь.

— Лежи смиренно, отдыхай, не упряжься. Я схожу, разберусь с ситуацией там, а потом расскажу тебе.

Гу Хуайцин наконец неохотно согласился. Дуань Минчэнь устроил его поудобнее и отправился с Ло Цинем в корабельную камеру для допросов, где содержались преступники.

С момента последней встречи с Сяньэ Сюнфэем прошло всего семь-восемь дней, но его вид сильно отличался от того, каким он был при первой встрече в столице.

Некогда надменный сын сёгуна был теперь едва одет, с щетинистым подбородком, растрёпанные волосы и рваная одежда с которых капала вода. Конечности его были туго связаны грубой верёвкой, кожа врезалась в тело, оставляя кровавые следы. Вид был крайне жалкий, не осталось и следа от бывшего блеска первого военачальника Дуньина.

Однако, хотя внешний вид Сяньэ Сюнфэя был плачевным, наглость и высокомерие в его глазах не уменьшились. Увидев Дуань Минчэня, он закричал:

— Я — особый посланник Дуньина, отправленный самим императором, законный сын сёгуна! Вы не можете так со мной обращаться! Я требую встречи с вашим императором!

Дуань Минчэнь, не теряя спокойствия, придвинул табурет и сел напротив Сяньэ Сюнфэя.

— Сяньэ Сюнфэй, кричи сколько хочешь, толку не будет. Дело зашло так далеко, тебе лучше честно признать свою вину.

— Тьфу! Какого чёрта признавать! — Сяньэ Сюнфэй даже попытался плюнуть в него, но Дуань Минчэнь уклонился.

Ло Цинь же рассвирепел, подскочил и отвесил Сяньэ Сюнфэю звонкую пощёчину:

— Чёрт возьми, смеешь буяннить перед своим дедом из гвардии в парчовых халатах!

Сяньэ Сюнфэй, с кровью на губах, не сдавался, злобно уставившись на Ло Циня, из горла вырывалось низкое рычание, словно у зверя.

Дуань Минчэнь остановил Ло Циня, жестом велел ему отойти, затем встал, подошёл к Сяньэ Сюнфэю и холодно произнёс:

— Перед честными людьми не говорят завуалированных речей. Ты должен понимать, зачем мы тебя преследуем. Как ты изнасиловал и убил принцессу Корё? Признавайся честно!

— Блядь, я не убивал эту девку из Корё! — Сяньэ Сюнфэй вытянул шею, извиваясь всем телом, хрипло спорил. — Хоть она и была ничего собой, но у меня что, женщин не было, чтобы из-за какой-то девки портить государственные дела!

Дуань Минчэнь приподнял бровь:

— О? Тогда почему той ночью ты оказался в покоях принцессы Корё?

— Я попал в подлую ловушку этой стервы! — Мрачное лицо Сяньэ Сюнфэя исказила злоба, в

его хищных треугольных глазах читалась ненависть. — Той ночью кто-то намеренно заманил меня туда, подстроив всё, чтобы обвинить. Принцессу Корё убил не я! Когда я вошёл в комнату, она уже была мёртва!

Ло Цинь не выдержал и возразил:

— Чистейшее оправдание! Раз уж ты не убивал, зачем тогда скрывался, спасаясь от наказания?

Сянъе Сюнфэй фыркнул:

— Раз вы устроили на меня западню, если бы я не сбежал, разве не был бы обречён на смерть?

Дуань Минчэнь на мгновение замер. Судя по подозрительному и негодующему выражению лица Сянъе Сюнфэя, тот действительно считал, что Великая Ци устроила на него западню, недаром он бежал, не щадя жизни.

Дуань Минчэнь, поняв его подозрения, объяснил:

— Генерал, боюсь, вы ошибаетесь. Вы — посланник, направленный вашей страной, и наш император принял вас как почётного гостя. Прекращение войны и мирные переговоры — дело, выгодное для обеих сторон. Наша династия всегда действовала открыто и честно, мы не стали бы и не было необходимости подставлять вас.

Сянъе Сюнфэй изначально заикнулся на мысли, что Великая Ци хочет его погубить, но слова Дуань Минчэня заставили его задуматься, и он погрузился в размышления.

Видя, что его выражение смягчилось, Дуань Минчэнь продолжил:

— Отступим на десять тысяч шагов: даже если бы Великая Ци захотела погубить вас, она ни в коем случае не пошла бы на жертву принцессы Корё, да ещё и запятнав её чистоту. Знайте, император уже издал указ, пожаловав ей титул наложницы и готовясь принять её во дворец, чтобы скрепить союз между двумя странами. То, что принцессу Корё изнасиловали и убили, бросает тень и на лицо императора.

Сянъе Сюнфэй, хоть и был простым воином, не был глуп, иначе не прослыл бы «первым полководцем Дунъина». Он пристально посмотрел на Дуань Минчэня, лицо его то хмурилось, то прояснялось. Подумав, он сказал:

— В твоих словах, кажется, есть доля истины.

Дуань Минчэнь приказал подчинённым развязать верёвки, сковывавшие Сянъе Сюнфэя. Пока он здесь, Сянъе Сюнфэй не сбежит, так что лучше проявить великодушие, чтобы тот почувствовал себя комфортнее, ослабил бдительность, и тогда можно будет продолжить допрос.

Дуань Минчэнь спросил:

— Какой была ситуация той ночью, прошу генерала рассказать подробно, чтобы мы могли помочь проанализировать обстоятельства дела.

Сянъе Сюнфэй, освободившись от пут, размял затекшие и онемевшие руки и ноги, тело стало гораздо комфортнее. Он вспомнил и медленно начал:

— В тот вечер я с подчинёнными пил вино в гостинице, позвали и девиц для компании. Но эти

девицы, хоть и были страстными, но недолговечными в играх, не успеешь как следует — и уже падают в обморок, сплошное разочарование! У меня на душе было тоскливо, хотел вернуться и продолжать пить, как вдруг чёрная тень промелькнула по крыше и бросила мне парчовый мешочек. Я поднял, посмотрел — внутри оказался женский шёлковый платок и записка. На записке было написано: «Днём видела господина, но людей было много, неудобно было говорить подробно. Наложница ждёт в своих покоях, надеюсь, господин пожалует». Подпись — Ли Цзинхуа. Раз прекрасная дама зовёт, я, естественно, отправился на свидание...

Ло Цинь перебил:

— Погоди, разве ты не заподозрил, что это может быть ловушка? Ты же несколько раз приставал к принцессе Корё, она тебя ненавидела, как же она могла сама тебя позвать?

Сяньэ Сюнфэй пренебрежительно усмехнулся:

— Ты женщин не понимаешь, они больше всех умеют строить из себя недотрог, на словах говорят «не надо», а в душе ждут не дождутся. Если бы она не была заинтересована, с чего бы я стал к ней приставать? В тот день, когда мы встретились в гостинице, я пошутил с ней, она сделала вид, что бранится, но уходя, специально обронила шёлковый платок — точно такой же, как тот, что был в мешочке. Я выпил лишнего, да ещё думал об этой девчонке, плюс платок был её, так что я не усомнился и отправился на свидание, хотел посмотреть, что же эта девчонка задумала?

<http://bllate.org/book/16283/1466917>